

Научная статья
УДК 323.1
EDN DPWWTY

Упрочение национальной безопасности: «живые» этноидентификационные потребности и целесообразные этнополитические акценты

Майя Арташесовна Аствацатурова¹, Лариса Хасановна Дзахова²

¹Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия,
maya.astv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9220-2504>

²Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия,
ldzahova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2072-1812>

Аннотация

Введение. Национальная безопасность – сложносоставная категория, детерминанты которой заложены в самих основах человеческой эволюции, а также в национально-государственном строительстве и институировании политической системы, общественно-политических отношений. Обеспечение национальной безопасности включает безопасность не только государства, но и общества, в том числе, страт и групп, дифференцированных по разнообразным идентификационным свойствам. Соответственно, значимой составляющей национальной безопасности РФ как полиэтничной многосоставной федерации является безопасность этнических сообществ через именно удовлетворение этноидентификационных потребностей и оптимизацию этнополитических акцентов, что рельефно проявляется в Северо-Кавказском регионе.

Цель. Выявление этноидентификационных (в том числе, дефицитных) потребностей, как равно и этнополитических акцентов проектирования и обеспечения национальной безопасности в региональном северокавказском пространстве.

Теоретические основы. Категориальное понимание национальной безопасности увязано с активными философского, социально-политического знания, а также с междисциплинарной методологией диалектического научного анализа. Он позволяет выделить политико-обусловленные, институционально-инструментальные факторы национальной безопасности, среди которых: политическая детерминация, национально-государственное строительство, традиция отношений власти и граждан и др. Наряду с философией национальной безопасности большие резервы имеет политология национальной безопасности, которая предусматривает рассмотрение ее как института, включающего идеолого-доктринальную базу, программно-проектное целеполагание, организационно-функциональную структуру, а также ценностные свойства, дифференцированные в политическом времени и пространстве. Полипарадигмальный подход к этничности как к идентификационному комплексу позволяет выявить не только культурные, но и политические проекции национального (этнического) самоопределения, встроенного в современный гражданский российский процесс.

Результаты. Важной составляющей национальной безопасности в полиэтничной и многосоставной РФ является этническая безопасность как гарантия осуществления гражданами России их потребностей в сфере этнической идентичности. Пренебрежение этническими интересами граждан и в то же время неуправляемая политизация этничности приводят не только к этническим конфликтам, но и к сепаратизму, экстремизму и терроризму, а также и к угрозе распада государства. В этой связи актуализируется проблема этноидентификационных потребностей и этнополитических акцентов, существенно дифференцированных по сообществам российских регионов, среди которых выделяется Северный Кавказ. Оптимизация этноидентификационных потребностей и этнополитических

акцентов перспективна в рамках новой редакции «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» (Указ Президента РФ от 25 ноября 2025 г.), которая имеет преобладающий и в то же время креативный характер при акцентировании ценностного вектора национальной политики.

Выводы. Определены задачи упрочения национальной безопасности в Северо-Кавказском федеральном округе с учетом актуальных этноидентификационных потребностей и целесообразных этнополитических акцентов. В их числе: решение социальных проблем, улучшение качества жизни, уровня, реструктуризация системы социальных услуг для оптимизации межэтнических отношений в общем контексте преодоления социокультурных и экономических проблем населения; экспертирование и мониторинг динамики межэтнических и межрелигиозных процессов, а также детерминант и возможных векторов национально-культурного, национально-территориального, национально-государственного самоопределения; обеспечение этнокультурной, этноязыковой, этнополитической безопасности как составляющей национальной безопасности с учетом сохраняющихся внутренних региональных и российских рисков, а также рисков внешнего геополитического происхождения и др.

Ключевые слова: государственная власть, интересы государства, национальная безопасность, инструментально-функциональные ресурсы национальной безопасности, этническая идентичность, этнополитика, этноидентификационные потребности, Российская Федерация, Северный Кавказ

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Ценностно-смысловые и символические основания укрепления гражданской идентичности и патриотизма в полиэтничной молодежной среде (на примере Северного Кавказа)» по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности 2026-2028 годы.

Для цитирования: Аствацатурова М. А., Дзахова Л. Х. Упрочение национальной безопасности: «живые» этноидентификационные потребности и целесообразные этнополитические акценты // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2026. № 1. С. 120–133. EDN DPWWTY

Original article

Strengthening national security: «living» ethno-identification needs and appropriate ethno-political emphasis

Maya A. Astvatsaturova¹, Larisa Kh. Dzahova²

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia,
maya.astv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9220-2504>

²North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia,
ldzahova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2072-1812>

Abstract

Introduction. National security is a complex category, the determinants of which are embedded in the very foundations of human evolution, as well as in nation-state construction and the institutionalization of the political system and socio-political relations. Ensuring national security encompasses the security not only of the state but also of society, including strata and groups differentiated by various identity characteristics. Accordingly, a significant component of the national security of the Russian Federation as a multi-ethnic, multi-component federation is the security of ethnic communities through the satisfaction of ethno-identification needs and the optimization of ethno-political emphases, which is clearly evident in the North Caucasus region.

Purpose. Identifying ethno-identification needs (including deficits), as well as ethno-political emphases in the design and implementation of national security in the North Caucasus region.

Theoretical Basis. A categorical understanding of national security is linked to the assets of philosophical and socio-political knowledge, as well as the interdisciplinary methodology of dialectical scientific analysis.

It allows us to identify politically determined, institutionally instrumental factors of national security, including political determination, nation-state building, the tradition of government-citizen relations, and others. Along with the philosophy of national security, the political science of national security has significant potential, considering it as an institution encompassing an ideological and doctrinal basis, programmatic and project-based goal-setting, an organizational and functional structure, and value properties differentiated across political time and space. A multi-paradigmatic approach to ethnicity as an identification complex allows us to identify not only cultural but also political projections of national (ethnic) self-determination, integrated into the modern Russian civil process.

Results. An important component of national security in a multiethnic and multicomponent Russian Federation is ethnic security as a guarantee that Russian citizens fulfill their needs in the field of ethnic identity. Disregard for the ethnic interests of citizens and at the same time uncontrolled politicization of ethnicity lead not only to ethnic conflicts, but also to separatism, extremism and terrorism, as well as to the threat of the collapse of the state. In this regard, the problem of ethnoidentification needs and ethnopolitical accents, significantly differentiated by the communities of Russian regions, among which the North Caucasus stands out, is being actualized. Optimization of ethnic identification needs and ethnopolitical accents is promising within the framework of the new edition of the "Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036" (Decree of the President of the Russian Federation dated November 25, 2025), which has a continuous and at the same time creative character in emphasizing the value vector of national policy.

Conclusions. The tasks of strengthening national security in the North Caucasus Federal District are defined, taking into account the current ethnic identification needs and appropriate ethnopolitical accents. These include: solving social problems, improving the quality of life, standard of living, and restructuring the social service system to optimize interethnic relations in the overall context of overcoming socio-cultural and economic problems of the population.; analyzing and monitoring the dynamics of interethnic and interreligious processes, as well as determinants and possible vectors of national-cultural, national-territorial, national-state self-determination; ensuring ethno-cultural, ethno-linguistic, ethno-political security as a component of national security, taking into account the remaining internal regional and Russian risks, as well as risks of external geopolitical origin, etc.

Keywords: state power, interests of the state, national security, instrumental and functional resources of national security, ethnic identity, ethnopolitics, ethno-identification needs, Russian Federation, North Caucasus

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the project "Value-semantic and symbolic foundations for strengthening civic identity and patriotism in a multiethnic youth environment (using the example of the North Caucasus)" under the Program of fundamental and applied scientific research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening Russian identity 2026-2028.

For citation: Astvatsaturova M. A., Dzahova L. Kh. Strengthening national security: «living» ethno-identification needs and appropriate ethnopolitical emphasis. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2026;(1):120-133. (In Russ.). EDN DPWWTY

Введение

Национальная безопасность как феномен имеет универсальное содержание и значение, так как без ее достижения невозможно существование государственной и общественной жизни, как и эволюции народов, наций, социальных групп, а также и индивидов. Понимание национальной безопасности формировалось в контексте философского и теологического знания в соотноении с такими феноменами и институтами, как государственная власть и религиозные системы, война и мир, борьба и общественный договор, политика, а также с такими категориями, как порядок, законность, справедливость, взаимопомощь, защита, благо, вера и духовность [1; 2].

Философия национальной безопасности складывалась в пределах идеологических, мировоззренческих, ценностных и духовных и даже этических и ментальных систем [3]. Философия национальной безопасности в ее цивилизационной и формационной парадигмах периодически

тяготела к разным горизонтам, среди которых выделялись властно-государственный, территориальный, политико-волевой, религиозно-мировоззренческий, военно-силовой, бюрократически-административный, а также морально-нравственный [4].

Определение национальной безопасности отличается емкостью и сложным смыслодержанием в соответствии со сложностью самого феномена «национальная безопасность». Национальная безопасность в своем предназначении прежде всего обеспечивает права человека, народов, наций на защиту от внутренних и внешних угроз. Национальная безопасность призвана ограждать личность, общество и государство. Осмысление безопасности актуализируется в связи с религиозными, этническими, классовыми конфликтами, а также революциями, гражданскими и мировыми войнами, которые подвергли безопасность не только народов, наций и государств, но и всего человечества, серьезному ущербу.

Укрепление национальной безопасности является главным интересом государства как определяющего субъекта политики и одновременно политического субъекта. Государство является держателем институционально-инструментальных активов, обеспечивающих национальную безопасность как совокупность военно-политической экономической, финансовой, территориальной, демографической, экологической, продовольственной, культурной, духовной защищенности от угроз.

В комплексе национальной безопасности выделяется **безопасность этнической идентичности и этнической идентификации**, которые отражают живые и жизнеспособные, к тому же чрезвычайно чувствительные потребности индивидов и сообществ (народов, этнических групп) в сфере языка, культуры, традиций, ментальностей, а также и в сфере права, политики, статуса, суверенитета, самоопределения [5]. Закономерно, что самочувствие граждан и их ожидания в этнокультурной и этнополитической сферах непосредственно воздействуют на состояние национальной безопасности, как самого народа, так и нации, и государства в целом. В связи с этим в контексте национальной безопасности правомерна проблема **этнокультурного и этнополитического комфорта каждого гражданина**, который достигается защитой от дискриминации по этническому признаку, как со стороны общества, так и со стороны государства. Этнокультурные и этнополитические позитивы, как и соответствующие явные и скрытые дефициты и риски могут быть как скрепляющими, так и дестабилизирующими обстоятельствами национальной безопасности. В этой связи **оптимизация этноидентификационных потребностей и целесообразная расстановка этнополитических акцентов** закономерно трактуются как необходимое условие обеспечения национальной безопасности государства и общества.

Цель исследования формулируется как выявление этнодетерминированных потребностей (в том числе, дефицитных), как равно и этнополитических акцентов проектирования и обеспечения национальной безопасности в региональном северокавказском пространстве.

Теоретические основы

Термин national security, применяемый с начала XX в. в политико-управленческих кейсах политической элиты США, включал объемное содержание и разные сегменты – властный, военный, оборонный, государственный, народный, территориальный и иные. Отметим, что разнообразные трактовки термина имеют право на использование, так как в комплексе создают наиболее полное знаниевое тождество феномена национальной безопасности – **и как безопасности государства, и как безопасности нации** [6, с. 409–425].

С 90-х гг. XX в. состоялась новая эволюция понятия «национальная безопасность» в сторону его расширения и соотнесения с меняющимися политическими и геополитическими реалиями и теми вызовами, которые также меняются сущностно и формально [7]. В российском научном дискурсе национальной безопасности наблюдается некоторая конкуренция методологических активностей термина «национальная безопасности» и термина «государственная безопасность», которая, в том числе, обусловлена собственно российской традицией понимания государства, нации, общества [8, с. 51–55].

Содержание понятия «национальная безопасность» в частых случаях отождествляется с понятием «государственная безопасность», что логично в связи с закономерным отождествлением государства и нации, что подчеркивают Е. Ю. Одинокова, Е. А. Зорина [9, с. 73–78]. В то же время, соотнося методологические идеи исследователей, подчеркнем позицию Ю.Г. Анохина и Р.И. Гадельшина, которые считают, что «... формулировка «национальная безопасность» имеет более общее родовое происхождение, поскольку касается такой категории, как защита жизненно важных интересов в системе «личность – общество – государство» [10].

Философия национальной безопасности в большей степени трактует ее как безопасность государства и безопасность нации, в то же время, отражая воздействие безопасности во все системы и подсистемы жизни общества. Расширение теоретического понимания национальной безопасности осуществляется, прежде всего, в сторону прерогатив государства, однако при итерации национальной безопасности общества. Если первоначально национальная безопасность предусматривала защиту государства и политической системы от правонарушений граждан, то впоследствии равное значение придается защите граждан от произвола государства и власти. Как отмечает А.М. Дудков, «национальная безопасность – это система таких политических и правовых ценностей как конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, политическая и социальная стабильность общества, а также территориальная целостность, оборона и устойчивое развитие государства» [11].

Сегментирование философии национальной безопасности на основе философии безопасности во многом обусловлено формированием системы государств и наций в рамках обретения и сохранения суверенитета. Как подчеркивает С.В. Кононов «...развитие концептуального понимания феномена безопасности в классической науке, находилось под влиянием определения, указывавшего на безопасность, как состояние равновесности объекта, сохраняющееся, несмотря на влияние различных условий, и достигаемое с помощью определенных институционально-инструментальных мер, выступающих в качестве атрибута безопасности» [12].

Выделение институционально-инструментальных факторов, аспектов, а также и критериев национальной безопасности в ее методологическом осмыслении чрезвычайно продуктивно для структурирования политического знания о национальной безопасности. Теоретическая и практическая значимость **политологии национальной безопасности** представляется нам очевидной в силу явных политических императивов таковой, так как проблема упрочения национальной безопасности является корневой проблемой внутренней и внешней политики государства, политического управления. Она отражена в нарративе государственно-гражданских отношений, который в общей системе нарративов занимает значительное место. В этом смысле перспективны идеи С.П. Поцелуева о разрастании и диверсификации стратегических нарративов [13, с. 207–209], среди которых, на наш взгляд, нарратив национальной безопасности будет пополняться именно как стратегический.

В применении к национальной безопасности полиэтничных обществ и многосоставных государств важен учет **этнокультурной и этнополитической составляющих** таковой. Поэтому рассмотрение этнических факторов, в том числе, и рисков в содержании национальной безопасности не только целесообразно, но и необходимо. Понимание этничности как идентичности закономерно в общем строе идентификационных исследований, которым свойственны диалектика и диверсификация научного поиска, которые позволяют выявить проекции этнической идентичности в политическом времени и в политической пространстве. Здесь применим этнологический анализ, основанный на интегративной методологии, на полипарадигмальном подходе, сочетающем сильные стороны примордиализма, инструментализма, конструктивизма. В то же время политический анализ, применяемый к практическим организационным и самоорганизационным проекциям этнической идентичности, предоставляет большие возможности для определения этноидентификационных потребностей и этнополитических акцентов как факторов национальной безопасности в их детерминации, целеполагании, адресности, а также в их институциональной динамике.

Результаты и обсуждение

Национальная безопасность как феномен и институт получила определения и трактовки во многих научных трудах, а также и в политических, и в правовых документах. В этом плане нормативно-правовой и политико-доктринальный нарратив РФ представляет собой современный банк законов, стратегий и концепций, который имеет достоверное содержание, превентивное назначение и креативный ресурс, влияющий на международный дискурс национальной безопасности.

Новационное понимание национальной безопасности Российского государства и российского общества акцентирует ценностный аспект, что обусловлено обращением политической элиты, руководства страны к российским традиционным духовным ценностям. Национальная безопасность определяется через систему ценностей, что на наш взгляд, является обоснованным в контексте достижения духовной безопасности и духовного суверенитета российского общества. Так, в Указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» среди приоритетов достижения национальной безопасности отмечается «сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹. Идея защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей как составляющая национальной безопасности развита в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Документ подробно трактует содержание традиционных духовных ценностей, выделяя среди них межнациональное и межконфессиональное согласие, сохранение самобытности многонационального народа РФ, их языков и их культуры².

Отражение феномена национальной безопасности в правовой системе, а также в государственных доктринах РФ, во-первых, подтверждает ее глобальную значимость, а во-вторых, свидетельствует о включении категории национальная безопасность в дискурс государства и гражданского общества³. Национальная безопасность имеет множество составляющих, которые соответствуют сферам функционирования государства и общества – военную, политическую, территориальную, экономическую, финансовую, социальную, экологическую [14, с. 40–49]. Также это безопасность общественного порядка, безопасность здоровья нации, как физического, так и духовного и др. При этом содержание национальной безопасности – национального интереса, как отмечает В.П. Назаров, корректируется в связи с трансформацией угроз, а «сам принцип определения национального интереса в каждой из возникающих международных проблем очень важен и заслуживает самого серьезного внимания [15, с. 7–21].

Научный российский дискурс национальной безопасности строится, прежде всего, вокруг юридической составляющей, которая чрезвычайно важна⁴. Однако каждая сфера национальной безопасности РФ имеет свою детерминацию, а также и свои практики. Развивая этот тезис, отметим, что важной составляющей национальной безопасности в полиэтничной и поликонфессиональной РФ является **этническая безопасность как гарантия осуществления гражданами**

¹ Указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/1e2b5c5fc29c839c457c3d876e9cc7b475bc7d45/ (дата обращения: 20.01.2026).

³ См.: Национальная безопасность // Министерство обороны Российской Федерации по терминологии в оборонной сфере. 2024. URL: <https://dictionary.mil.ru/dictionary/Terminy-RVSN/item/141685/> (дата обращения: 20.01.2026).

⁴ См., напр.: ФЗ «О безопасности: закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 (ред. от 26.06.2008) // Российская газета. 1992. 6 мая (утратил силу); ФЗ «О безопасности» от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // Российская газета. 2010. 29 дек.; Указ Президента РФ от 10 янв. 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 170 (утратил силу); Указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

России их потребностей в сфере этнической идентичности. Как показала постсоветская реальность, пренебрежение этническими интересами граждан, а также их неуправляемая политизация приводит не только к этническим конфликтам, но и к сепаратизму, экстремизму и терроризму, а также и к угрозе распада государства. В этой связи актуализируем проблему **этноидентификационных потребностей и этнополитических акцентов**, которые существенно дифференцированы по российским регионам, среди которых выделяется Северный Кавказ [16].

Историко-культурные, общественно-политические характеристики Северного Кавказа, в данном случае, Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), продуцируют характерные этноидентификационные потребности и достоверные этнополитические акценты национальной безопасности, которые напрямую связаны со всеми векторами этнической идентичности – языковым, территориальным, ментальным, статусным, политическим, управленческим, а также и само-организационным. Здесь стоит подчеркнуть ряд обстоятельств, которые непосредственно и опосредованно относятся к обеспечению национальной безопасности в регионе, имеющем выраженное эндогенное этническое разнообразие и существенное экзогенное геополитическое значение, а именно:

- народы региона объединены стойким идентификационным культурным комплексом как северокавказцы (или кавказцы), в котором этническая принадлежность, народные традиции и обряды, этические кодексы народов, коллективная историческая память, «народная религия» играют важнейшую роль [17];

- во всех субъектах РФ СКФО (кроме Ставропольского края) в населении большинство составляют коренные северокавказские народы, являющиеся титульными в соответствующих республиках и в своем подавляющем большинстве (кроме части осетин, кабардинцев) являются приверженцами ислама как мировой религии и исламской культовой практики;

- этнические группы Северного Кавказа стремятся к совместному региональному позиционированию в отношениях с жителями других регионов РФ и к трансграничному взаимодействию с родственными этническими группами России и с соотечественниками за рубежом (Азербайджан, Армения, Абхазия, Грузия, Греция, Турция, Сирия, Ирак, Иран, Саудовская Аравия, Южная Осетия и др.);

- русское население региона, а также казачьи общины в условиях определенного сокращения русского населения тяготеют к сохранению пространства референтных русского языка и культуры и к возрождению русских (прежде всего, казачьих) традиций народной социальной этики, народной обрядности и в то же время к новому уровню позиционирования в системе общественно-политических отношений;

- этнические сообщества региона через систему национально-культурных организаций, автономий, этнических советов, советов религиозных лидеров, региональных отделений Ассамблеи народов России, центров национальных культур, а также систему народно-демократических институтов (советы старейшин, казачьи круги, советы тейпов, советы стариков, ныхасы, мекх кмелы, советы мира и дружбы, конгрессы и форумы народов,) участвуют в сплочении северокавказского мира, в интеграции Северного Кавказа в социокультурную и общественно-политическую повестку России, в поддержке политики главы государства;

- общественные настроения и гражданские инициативы полиэтничного сообщества СКФО характеризуются как стабильные, ориентированные на традиционные российские духовные ценности, на патриотизм и гражданственность, на поддержку органов власти и управления в системе реализации государственной национальной политики и в то же время на сохранение этнокультурных особенностей, исторической памяти, взаимных обязательств и ответственности.

Упрочение национальной безопасности в СКФО осуществляется, среди прочих направлений, в таком важном как реализация государственной национальной политики, прежде всего «сверху» – через систему программной и технологической деятельности профильных органов власти, которые функционируют во всех субъектах. Повсеместно действуют региональные министерства, которые реализуют государственную национальную политику в сотрудничестве

с общественными национально-культурными и религиозными организациями – институтами гражданского общества¹. Упрочение национальной безопасности в регионе осуществляется через реализацию этноидентификационных потребностей граждан путем этнополитики, нацеленной на стабилизацию межэтнических и межконфессиональных отношений. Этому направлению большое внимание уделяет полномочный представитель Президента РФ в СКФО Ю. Чайка², так как враждебные структуры и элементы извне продолжают попытки осуществления теоретических актов, воплощения экстремистских угроз, нацеленных на подрыв гражданского единства народов региона³.

Не только объектами, но и субъектами соответствующих инициатив выступают национально-культурные организации и автономии, система которых выстраивается с начала 90-х гг. XX в. В основе лежат традиционные принципы межэтнической коммуникации и обмена культурными ценностями, а также опыт совместного участия в национально-государственном строительстве, хотя и отмеченным многими противоречиями и конфликтами. Несмотря на следствия противоречивых и конфликтных процессов, со второй половины 2000-х гг. продолжается реинтеграция северокавказского сообщества в противовес этносепаратизму, религиозному экстремизму, терроризму. Упрочение гражданского единства и распространение патриотических активностей национально-культурных и религиозных организаций в регионе всемерно поддерживается на федеральном уровне в сотрудничестве органов власти и управления и институтов гражданского общества, что неоднократно отмечалось на уровне ФАДН. ФАДН через систему региональных министерств поддерживают такие практики реализации государственной национальной политики, как: информационно-методические и обучающие семинары, конгрессы и форумы народов, подготовка совместных публичных обращений и заявлений и др.⁴

Подтверждая нашу мысль о региональных различиях, отметим этноидентификационные потребности и этнополитические акценты, которые прямо относятся к упрочению национальной безопасности в СКФО.

Во-первых, современные общественно-политические отношения в регионе содержат скрытые и управляемые на данном этапе рискогенные факторы, которые являются следствием состоявшихся жестких этнополитических конфликтов 90-х-начала 2000-х гг., имевших многоставной, многофакторный характер [18]. Этнические конфликты были детерминированы:

¹ См.: Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан. URL: <https://minnacrd.ru/> (дата обращения: 18.01.2026); Министерство Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям и информации. Официальный сайт. URL: <https://minnacinform-chr.ru/documents/ukazy-i-rasporyazheniya/postanovlenie-pravitelstva-chechenskoy-respubliki-ot-31-05-2021-110-ob-utverzhdenii-polozheniya/> (дата обращения: 20. 01.2026); Министерство Кабардино-Балкарской Республики по национальной политике и общественным проектам. Официальный сайт. URL: <https://minnac.kbr.ru/news/itogovoe-zasedanie-obshchestvennogo-soveta.html> (дата обращения: 19.01.2026); Министерство РСО-А по национальной политике и внешним связям. Официальный сайт. Главная / Деятельность. URL: <https://minnats.alania.gov.ru/activity/religion> (дата обращения: 13.01.2026); Министерство Ставропольского края по национальной политике и делам казачеств. Официальный сайт. URL: www.stavregion.ru/govdep/ministries/ministerstvo-stavropolskogo-kraya-po-nacionalnoj-politike-i-dela/ (дата обращения: 18.01.2026); Министерство Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати. Официальный сайт. URL: <https://www.kchr.ru/org/directory/ministerstvo-kchr-po-delam-natsionalnostey-massovym-kommunikatsiyam-i-pechati/> (дата обращения: 20. 01. 2026); Министерство по внешним связям, национальной политике, печати и информации Республики Ингушетия. Официальный сайт. URL: <https://minnacri.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).

² Юрий Чайка провел заседание Совета при полномочном представителе Президента РФ в СКФО. Министерство Республики Северная Осетия-Алания по национальной политике и внешним связям. Официальный сайт. 27.06.2024. URL: <https://minnats.alania.gov.ru/news/2336> (дата обращения: 20. 01.2026)

³ Серенко Андрей. Атака в Дагестане подтверждает, что угроза со стороны "Вилаята Кавказ" очень серьезна. Террористы "Исламского государства" открывают против России новый фронт. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-06-24/3_9034_kb.html (дата обращения: 19.01.2026).

⁴ См.: В СКФО под председательством руководителя ФАДН России Игоря Барина состоялось совещание глав министерств по национальной политике округа. ФАДН России. URL: <https://fadn.gov.ru/press-centr/news/skfo-soveshhanie-glav-ministerstv-po-nacionalnoj-politike-okruga> (дата обращения: 20. 01.2026).

а) политическими обстоятельствами (выборы, смена руководителей, стремление к реваншу за потери в Кавказской войне и за репрессии в ходе Великой Отечественной войны); б) территориальными спорами и недовольством результатами национально-государственного строительства – несостоявшейся территориальной реабилитацией репрессированных народов; в) стремлением к новому уровню этнического суверенитета и этнического статуса; г) желанием перераспределить собственность, экономические, природные, культурные, информационные активы в пользу своей этнической группы. В конфликтах сочетались территориальные, политические, экономические, социальные, ментальные, а также религиозные противоречия, которые как стационарные требуют системного и комплексного политико-управленческого воздействия [19, с. 30–31; 20].

Во-вторых, этническая идентичность может выступать конкурентом государственной и гражданской идентичности в случае пренебрежения этнокультурными потребностями населения со стороны власти и непрофессиональной, поверхностной реализации этнополитики в регионах и на местах. Реализация государственной национальной политики в регионе может не достигать своих целей, если политики и управленцы не учитывают исторические, территориальные, языковые, религиозные и ментальные дефициты этнической детерминации, которые, во-первых, имеют объективные причины, а, во-вторых, в ряде случаев обуславливаются управленческими эксцессами и некомпетентностью политиков регионального и местного уровней, а также национализмом отдельных этнических лидеров.

В-третьих, в регионе (имеются в виду республики) сформировалась и развивается, и модернизируется регионально-детерминированная система управления, которая выводит на первое место такие вопросы, как качество управления, качество бюджетного процесса, профессионализм чиновников, доверие населения власти [21, с. 132–152]. Функционирует этнократическая система политики и управления, которая основана не только на этнической принадлежности кандидатов на посты, но и на менее частных индикаторах – принадлежности к роду, фамилии, тейпу, а также и к эндогенным семейно-родственным группам. С одной стороны, вероятно, такая система отвечает традициям социально-стратного группирования, взаимного этносоциального признания и вместе с тем взаимного контроля внутри северокавказского сообщества. С другой стороны, профессионализм, ответственность и гражданская позиция, как и моральные качества политиков и управленцев явно не могут зависеть от их этнической и религиозной принадлежности. В этой связи предположим, что этнократическая система на определенном этапе исчерпает свои возможности, если только она не будет стимулироваться федеральным центром для сохранения управляемости и стабильности.

В-четвертых, современный вектор национальной политики в соответствии с запросом федерального центра, который в свою очередь формируется, исходя из многих рисков и вызовов в отношении РФ (прежде всего внешней детерминации – санкции, экономическое давление, информационные фейковые атаки), акцентируется именно как российский гражданско-патриотический и надэтнический – интернациональный. В то же время в условиях необходимости политического сплочения российской гражданской нации как субъекта международного права собственно этнические интересы народов региона в языковой, территориальной, статусно-правовой и политико-организационной сферах – отодвинуты на второй план. При этом этнические сообщества проявляют высокий уровень социальной ответственности и гражданского патриотизма в отношении России как единого Отечества, но, однако, не изымают из коллективной повестки те нерешенные национальные вопросы, которые являются имманентно присущими им.

В-пятых, прямое отношение к упрочению национальной безопасности на Северном Кавказе имеет уровень и качество жизни в регионе, которые на протяжении долгого времени являются невысокими и откровенно непривлекательными в сравнении с аналогичными показателями в целом по стране. В регионе отмечаются трудоизбыточность, узкий рынок труда, слабость

социальных лифтов для молодежи, что особенно опасно с учетом большой доли молодежи в составе населения субъектов РФ СКФО (до 30 %). Оставляют желать лучшего качество образования, медицинских услуг, досуговой сферы и общественных пространств. Также низка производительность труда, технологическое обеспечение производственной и социальной инфраструктуры при высокой доле теневого бизнеса. Эти явления затрудняют поступательное развитие региона и ухудшают социальное самочувствие и социальные ожидания населения, дестабилизируют общественно-политическую ситуацию.

В-шестых, упрочение национальной безопасности в регионе осуществляется опосредованно через сплочение этнических сообществ в солидарных патриотических инициативах, адресованных участникам СВО. Реализация патриотических проектов, сбор гуманитарной помощи и непосредственное участие в качестве военнослужащих на линии боевого соприкосновения являются общей северокавказской платформой включения этнических интересов в систему интересов гражданской российской нации. Практики поддержки бойцов СВО и их семей, а также формирование в регионах военных соединений для участия в военных действиях стали значимой площадкой объединения населения Северного Кавказа вокруг российской патриотической идеи, которая все в большей мере трактуется как национальная идея [22, с. 109–121].

В-седьмых, содержание национальной безопасности в северокавказском регионе напрямую испытывает воздействие международных факторов, в которых проявляются интересы соседних государств – как ближнего, так и дальнего зарубежья. Северный Кавказ как одна из фронтирных территорий России является сферой геополитических устремлений Турции, Ирана, а также и Великобритании, Франции и др. Сегодня отношения между народами, между этническими группами отражают (в отдельных случаях в негативной коннотации) процессы, которые происходят с их одноименными или этническими и конфессиональными сородичами в Армении, Азербайджане, Абхазии, в Грузии, в Южной Осетии, а также и в удаленных странах и регионах, где проходят конфликты, гибридные войны – Израиль, Иран, Ирак, Палестина, Сирия и др.

Исходя из указанного, отметим, что поддержание межэтнического единства особенно с учетом внешних вторжений в этнополитическую и этнокультурную подсистему жизни российского общества, имеет непосредственное значение для упрочения национальной безопасности. Значимость целевого планирования и деятельности в этой сфере отмечалось на **Совете при Президенте РФ по межнациональным отношениям** 5 ноября 2025 г. посвященном итогам реализации государственной национальной политики и ее новым рубежам. Указывалось, что в новом доктринальном документе важно «усилить региональный компонент. Это правильный шаг для нашей большой, федеративной страны. При этом у глав субъектов должны быть все инструменты для работы на местах, а федеральный центр, разумеется, и впредь должен обеспечивать единую стратегическую линию»¹.

Подтверждая эти тезисы, обратимся к новой редакции **«Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года»** (Стратегия), принятой Указом Президента РФ от 25 ноября 2025 г. Документ имеет преемственный и в то же время креативный характер и содержит интенции, прямо относящиеся к этноидентификационным потребностям и к этнополитическим акцентам сообщества СКФО. Это прежде всего разделы, которые касаются культурного наследия народов России, сохранения пространства их языков, праздников, традиционного образа жизни, природных и культурных комплексов. В Стратегии редакции 2025 г. нашли отражение новации Конституции РФ, которая постулирует межэтническое согласие, гражданское единство, гражданскую идентичность, а также национально-культурные потребности людей и групп людей.

¹ См.: Заседание Совета по межнациональным отношениям. Под председательством Владимира Путина прошло заседание Совета при Президенте по межнациональным отношениям. 5 ноября 2025 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78409> (дата обращения: 19.01.2026).

Адресное внимание обновленный стратегический документ уделяет культурным потребностям региональных сообществ, что важно для Северного Кавказа, где **этническая память, этническая самопрезентация и этнический групповой потенциал** имеют существенное значение. Осуществление желаемого целевого сценария воплощения государственной национальной политики предусматривается на базе взаимодействия органов власти и МСУ и этнокультурных субъектов гражданского общества в его национальной цивилизационной модели¹, которая на наш взгляд, обеспечивается именно разнообразием народов и культур.

Выводы

В качестве обобщения определим задачи упрочения национальной безопасности в СКФО с учетом актуальных этноидентификационных потребностей и целесообразных этнополитических акцентов. В их числе:

- решение социальных проблем, улучшение качества жизни, уровня, реструктуризация системы социальных услуг для оптимизации межэтнических отношений в общем контексте преодоления социокультурных и экономических проблем населения;
- экспертирование и мониторинг динамики межэтнических и межрелигиозных процессов, а также детерминант и возможных векторов национально-культурного, национально-территориального, национально-государственного самоопределения;
- обеспечение этнокультурной, этноязыковой, этнополитической безопасности как составляющей национальной безопасности с учетом сохраняющихся внутренних региональных и российских рисков, а также рисков внешнего геополитического происхождения;
- понимание этноидентификационных потребностей как значимого сегмента общих личностных и групповых потребностей, которые вмонтированы в социальный и политический контекст;
- осмысление объективности собственно северокавказских этнополитических акцентов в общем воплощении «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года»;
- профилактирование геополитизации внутри региональных северокавказских межэтнических и межрелигиозных отношений;
- формирование качественных современных общественных поликультурных пространств и этнокультурных информационных ресурсов для молодежи;
- оптимизация федеративных отношений с учетом содержания «отложенных» национальных вопросов и новаций федеративного устройства;
- сохранение пространства русского языка и языков народов и этнических групп региона (в том числе, и диаспорного происхождения);
- обеспечение качественного управления, подготовки и переподготовки государственных служащих и работников местного самоуправления в сфере реализации государственной национальной политики;
- ротация состава этнических и религиозных советов, коллегий, комиссий при органах власти, а также состава домов дружбы и центров национальных культур;
- разработка и реализация политико-управленческих решений в сфере этнических потребностей и этнополитических акцентов при широким общественном обсуждении и общественном контроле заинтересованных субъектов;
- сосредоточение профильных органов власти на целевом функционале реализации государственной национальной политики;
- акцентирование не только общего прошлого и настоящего, но и общего будущего народов РФ как членов гражданской нации – субъекта международного права.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615> (дата обращения: 21.01.2026).

Список источников

1. Макиавелли Н. Государь. М.: «Художественная литература». 1982. 68 с.
2. Кант И. К вечному миру / Соч. в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1963–1966. 564 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. Серия: Памятники философской мысли. М.: Изд-во "Наука", 1978. 440 с.
4. Foucault Michel. Security, Territoire, Population. Cours au Collège de France 1977–1978. Мишель Фуко: Безопасность, территория, население. Цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 годах. Пер. на русск. язык: В. Ю. Быстрова, Н. В. Сулова, А. В. Шестакова. СПб., 2011 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 08.10.2013. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6693> (дата обращения: 10.01.2026).
5. Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. М.: Изд. Дом Высшая школа экономики, 2012. 408 с.
6. Шаваев А. Х. Национальная безопасность: некоторые вопросы теории // Безопасность Евразии. 2005. № 1(19). С. 409–425. EDN: IJBOTX
7. Бельков О. А. Экономическое, социальное, региональное, внешнесредовое измерения государственного управления и национальной безопасности // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Том 2. № 3. С. 94–108. EDN: KWOCIX
8. Кардашова И. Б. О категориально-понятийном аппарате теории национальной безопасности // Российский следователь. 2005. № 5. С. 51–55. EDN: PFTHGH
9. Одинокова. Е. Ю., Зорина Е. А. Понятие национальной безопасности и правовые меры по ее обеспечению // Социология и право. 2019. № 4 (46). С. 72–78. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2019-4-72-78>. EDN: YJTJOL
10. Анохин Ю. В., Гадельшин Р. И. Национальная безопасность: теоретические и терминологические аспекты // Теория практика общественного развития. 2017. № 12. С. 126–129. <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.12.27>. EDN: ZWOQTD
11. Дудков А. М. Национальная безопасность как конституционно-правовая ценность // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 33–35. EDN: QCKBBT
12. Кононов С. В. Концептуальное осмысление феномена безопасности в западной философии // Социология. 2020. № 4. С. 280–289. EDN: UUBBOI
13. Поцелуев С. П. Целясь в идентичность // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 4. С. 201–209. EDN: QXGGOM
14. Казанцев С. В. Национальные интересы, стратегические цели и долгосрочная безопасность Российской Федерации // Мир новой экономики. 2021. Том 15. № 1. С. 40–49. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-1-40-49>. EDN: KPUSBT
15. Назаров В. П. Национальные интересы во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Том 17. № 1. С. 7–21. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-1-94-7-21>. EDN: ZYTMZG
16. Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В. А. Тишкова. М.: ФГНУ "Росинформагротех". 2007. 384 с.
17. Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: монография / Под общ. ред. Р. Г. Абдулатипова, А.-Н. З. Дибирова. М.: Аспект Пресс, 2015. 600 с. ISBN 978-5-7567-0783-0
18. Аствацатурова М. А., Тишков В. А., Хоперская Л. Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ИЭА РАН, 2010. 264 с. ISBN: 978-5-4211-0029-4. EDN: QOLXRD
19. Авксентьев В. А. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: десять лет "округа нового типа" // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: Материалы Всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, МПГУ, 6-7 декабря 2019 г. / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова и др. М.: МПГ, 2019. С. 30–31. EDN: MELLTN

20. Ачкасов В. А. Северный Кавказ: многофакторность этнополитической напряженности // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2021. № 1. С. 33–48. EDN: HVKZKL

21. Литвинова Т. Н. Эффективность региональной власти: от теории к измерению (на примере республик Северо-Кавказского федерального округа) // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 137–152. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.10>. EDN: OSCLDM

22. Аствацатурова М. А. К проблеме актуализации идейных основ патриотического дискурса в современном российском обществе // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные направления развития стратегии патриотического воспитания», приуроченной к 80-летию Великой Победы 12-13 марта 2025 года. Краснодар: Краснодарский институт культуры, 2025. С. 23–27. EDN: GKQNIP

References

1. Machiavelli N. *The Sovereign. Государь*. Moscow: «Hudozhestvennaya literatura»; 1982. 68 p. (In Russ.)

2. Kant I. *Toward Eternal Peace. Works in 6 volumes. Vol. 6*. Moscow: Mysl; 1963-1966. 564 p. (In Russ.)

3. Hegel G.V.F. *Political Works. Series: Monuments of Philosophical Thought*. Moscow: Nauka Publishing House; 1978. 440 p. (In Russ.)

4. Foucault Michel. *Security, Territory, Population. Lectures given at the College de France in 1977–1978*. Translated into Russian by V. Yu. Bystrova, N. V. Suslova, A. V. Shestakova. St. Petersburg; 2011. Electronic publication: Center for Humanitarian Technologies. 10/08/2013. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6693> (accessed: 10.01.2026). (In Russ.)

5. Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. Transl. from English. Moscow: Publishing House Higher School of Economics; 2012. 408 p. (In Russ.).

6. Shavaev A.Kh. National Security: Some Theoretical Issues. *Security of Eurasia*. 2005;1(19):409–425. (In Russ.). EDN: IJBOTX

7. Belkov O.A. Economic, Social, Regional, and External Environmental Dimensions of Public Administration and National Security. *Problem analysis and public administration design*. 2009;2(3):94–108. EDN: KWOCIX (In Russ.)

8. Kardashova I.B. On the categorical and conceptual apparatus of the theory of national security. *Russian investigator*. 2005;(5):51–55. (In Russ.). EDN: PFTHGH

9. Odinkova. E.Yu., Zorina E.A. The concept of national security and legal measures to ensure it. *Sociology and law*. 2019;4(46):72–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2019-4-72-78>. EDN: YJTJOL

10. Anokhin Yu.V., Gadelshin R.I. National Security: Theoretical and Terminological Aspects. *Theory and Practice of Social Development*. 2017;(12):126–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.12.27>. EDN: ZWOQTD

11. Dudkov A.M. National Security as a Constitutional and Legal Value. *Gaps in Russian Legislation*. 2013;(3):33–35. (In Russ.). EDN: QCKBBT

12. Kononov S.V. Conceptual Understanding of the Phenomenon of Security in Western Philosophy. *Sociology*. 2020;(4):280–289. (In Russ.). EDN: UUBBOI

13. Potseluev S.P. Targeting identity: the concept of weaponized narrative in the propaganda discourse of modern wars. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(4):201–209. (In Russ.). EDN QXGGOM

14. Kazantsev S.V. National interests, strategic goals and long-term security of the Russian Federation. *The world of new economy*. 2021;15(1):40–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-1-40-49>. EDN: KPUSBT

15. Nazarov V.P. National interests in Russia's foreign policy. *MGIMO Review of International Relations*. 2024;17(1):7–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-1-94-7-21>. EDN: ZYTMZG
16. Russian Caucasus. A Book for Politicians. Ed. V. A. Tishkov. Moscow: Federal State Scientific Institution "Rosinformagrotech"; 2007. 384 p. (In Russ.)
17. The Russian Caucasus: Problems, Searches, Solutions: A Scientific Publication. R. G. Abdulatipov, A.-N. Z. Dibirov (eds). Moscow: Aspekt Press; 2015. 600 p. ISBN 978-5-7567-0783-0. (In Russ.)
18. Astvatsaturova M.A., Tishkov V.A., Khoperskaya L.L. *Conflictological Models and Conflict Monitoring in the North Caucasus Region*. Moscow: IEA RAS; 2010. 264 p. ISBN: 978-5-4211-0029-4. (In Russ.). EDN: QOLXRD
19. Avksentyev V.A. Ethnopolitical Processes in the North Caucasus: Ten Years of a "New Type District". In: *Trajectories of Political Development in Russia: Institutions, Projects, Actors: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of the Russian Academy of Political Sciences with International Participation, Moscow, Moscow State Pedagogical University, December 6-7, 2019*. O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunov, et al. (eds.). Moscow: MPG; 2019. P. 30–31. (In Russ.). EDN: MELLTN
20. Achkasov V.A. North Caucasus: Multifactorial Ethnopolitical Tension. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 2021;(1):33–48. EDN: HVKZKL (In Russ.)
21. Litvinova T.M. Efficiency of regional government: from theory to measurement (on the example of the republics of the North Caucasus Federal District). *Polis. Political studies*. 2020;(2):137–152. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.10>. EDN: OSCLDM
22. Astvatsaturova M.A. On the problem of actualizing the ideological foundations of patriotic discourse in modern Russian society. In: *Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference "Current directions for the development of the strategy of patriotic education", dedicated to the 80th anniversary of the Great Victory, March 12-13, 2025*. Krasnodar: Krasnodar Institute of Culture; 2025. P. 23–27. (In Russ.). EDN: GKQNIP

Информация об авторах

М. А. Аствацатурова – доктор политических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований ПГУ.

Л. Х. Дзахова – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии СОГУ им. К. Л. Хетагурова.

Information about the authors

M. A. Astvatsaturova – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Director of the Scientific and Educational Center for Political and Ethnopolitical Research of Pyatigorsk State University.

L. Kh. Dzakhova – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Head of the Department of Philosophy and Politology of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 04.03.2026; принята к публикации 06.03.2026.

The article was submitted 29.01.2026; approved after reviewing 04.03.2026; accepted for publication 06.03.2026.